

А. Токмаджян

## Категория множественности, различные оттенки ее значения

(На материале форм множественного числа имен существительных)

В связи с исследованием группы имен существительных с обособленным значением формы множественного числа в современном английском языке мы ставим вопрос о двух оттенках значения множественности, выражаемых формой множественного числа имен существительных: значении простой или разделительной множественности и значении собирательности или совокупности. Рассмотрение фактического материала показало, насколько тесно связана грамматическая категория множественности с реальными жизненными представлениями человека о структуре конкретных множеств. Множественное число представляется не только как множество отдельных предметов (простая множественность), но и как множество частей, элементов, входящих в состав какого-либо предмета, т. е. как множественность в некоем единстве (собирательные оттенки множественности). Реальные жизненные представления человека о множестве выдвигают на передний план то один, то другой оттенок множественности, и на основе различия этих оттенков возникает лексическая дифференциация значений форм множ. числа у ряда имен существительных. Как показало проведенное исследование материала английского языка, при передаче собирательных оттенков множественности или происходит семантический сдвиг в значении существительного в форме множ. числа (draught „ход во время игры“ — draughts „шашки (игра)“; room „комната“ — rooms „квартира“ и др.), или данное значение закрепляется за формой множ. числа, что приводит к вытеснению формы ед. числа в данном значении, к восприятию значения формы множ. числа как семантически обособленного от значений формы ед. числа (customs „таможенные пошлины“; letters „литература“, works „механизм“ и др.). В некоторых случаях форма множ. числа с обособленным значением сосуществует с редко встречающейся формой ед. числа в том же значении (colours „флаг, знамя“; parts „края, местность“ и др.).

Относительно грамматического значения форм множ. числа с обособленным лексическим значением в современной отечественной лингвистической науке имеются две точки зрения. Академик В. В. Виноградов связывает обособленные значения форм множ. числа некоторых существительных в русском языке с собирательными оттенками множественности, выражаемыми этими формами. В качестве примера

В. В. Виноградов приводит случаи, когда через значение собирательности происходит семантический сдвиг в значении слова в форме множ. числа, как, например: **болота** (в значении **болотистая местность**) и все **болота** края; **ноты** (множество нотных знаков) и **ноты** (печатное музыкальное произведение); **номера** (в гостинице) и **номера** (сама гостиница)<sup>1</sup>.

Д. И. Арбатский в кандидатской диссертации на тему „Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке“<sup>2</sup> считает выделение в формах множ. числа собирательного значения нецелесообразным, поскольку, по его мнению, грамматическое значение множественности, с одной стороны, и грамматическое значение собирательности, с другой стороны, имеют в настоящее время специфические особенности, отличаются друг от друга<sup>3</sup>. Ссылаясь на высказывание А. А. Шахматова<sup>4</sup>, призывающее не смешивать категорию собирательности с категорией множественности, Д. И. Арбатский видит различие между этими категориями в следующем: „В то время как существительные во множественном числе обозначают предметы, явления, делящиеся в нашем сознании на единицы, части (хотя бы они составляли в действительности единое целое), слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое“<sup>5</sup>. Д. И. Арбатский рассматривает в грамматическом значении множественности следующие оттенки: 1) множество отдельных предметов; 2) множество единиц, частей, элементов, актов, моментов. Со вторым оттенком значения множественности и связывает он особые лексические значения исследуемых форм множ. числа<sup>6</sup>.

Как следует из вышесказанного, расхождение в определении грамматического значения форм множ. числа с обособленным лексическим значением вытекает из различных представлений о взаимоотношении значений собирательности и множественности. Д. И. Арбатский противопоставляет значение собирательности значению множественности. В таком случае каков критерий определения значения собирательности? Каковы грамматические средства выражения этого значения? Могут ли формы множ. числа имен существительных быть носителями значения собирательности?

<sup>1</sup> См. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 166.

<sup>2</sup> См. Д. И. Арбатский, Кандидатская диссертация, Институт языкознания АН СССР, М., 1954.

<sup>3</sup> См. там же, стр. 34.

<sup>4</sup> См. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М., 1941, стр. 131.

<sup>5</sup> Д. И. Арбатский, Кандидатская диссертация, стр. 34.

<sup>6</sup> См. там же, стр. 28.

\* \* \*

В „Современном русском языке“<sup>1</sup>, а также в „Грамматике русского языка“<sup>2</sup>, в отношении категории числа указывается, что все имена существительные подразделяются на три группы: 1) существительные, употребляемые и в единственном, и во множ. числе; 2) существительные, употребляемые только в ед. числе; 3) существительные, употребляемые только во множ. числе. Имена существительные первой группы, являясь названиями предметов и явлений действительности, которые можно воспринимать раздельно, употребляются и в единственном и во множественном числе. В этом случае формы ед. числа противопоставляются формам множ. числа (стол — столы, книга — книги, село — села), указывающим на **раздельное множество** предметов (подчеркнуто нами — А. Т.). К группе имен существительных, употребляемых в ед. числе, автор раздела „Имя существительное“ в вышеупомянутых пособиях Н. С. Поспелов относит помимо имен существительных собственных, отвлеченных, вещественных — **имена собирательные** (подчеркнуто нами — А. Т.). Под собирательным именем Н. С. Поспелов подразумевает имя существительное, обозначающее **совокупность лиц или предметов как коллективное единство, как одно неделимое единство** (подчеркнуто нами — А. Т.). Сюда относятся имена существительные третьего склонения (дичь, зелень, мелочь и т. п.); существительные с суффиксами: -ство, -ьё (jo), -ник, -няк, как наиболее продуктивными суффиксами собирательного значения, например: студенчество, сырьё, ельник, молодняк. В составе имен существительных, употребляемых **только в формах множ. числа** (третья группа), вышеуказанные пособия выделяют:

1) Имена существительные с **собственно собирательным** значением (имена существительные, обозначающие парные или составные предметы: весы, ворота и т. п.; имена существительные, обозначающие **множественную совокупность** чего-либо, образующую сложное единство: деньги, коренья и т. п.);

2) имена существительные с **вещественно-собирательным** значением (имена существительные вещественного значения, обозначающие массу, вещество, материал в его совокупности, например: белила, дрова, духи и т. п.);

3) имена существительные с **отвлеченно-собирательным** значением (имена существительные, обозначающие сложные действия, процессы, состояния, например: бега, выборы, роды и т. п. (подчеркнуто нами — А. Т.).

Акад. В. В. Виноградов в своем капитальном труде „Русский язык“ употребляет термины „совокупность“, „собирательность“ как в

<sup>1</sup> См. „Современный русский язык“ (морфология). Изд. МГУ, М., 1952, стр. 66—70.

<sup>2</sup> См. „Грамматика русского языка“, ч. 1, Изд. АН, М., 1952, стр. 113—120.



отношении имен собирательных<sup>1</sup>, так и в отношении форм множ. числа некоторых имен существительных<sup>2</sup>. По словам В. В. Виноградова, „уже давно принято различать в русском множественном числе два основных значения — разделительное и собирательное („множественное *разделительное* и множественное *собирательное*, совокупное“) (курсив акад. В. В. Виноградова). Ссылаясь на К. С. Аксакова, акад. В. В. Виноградов утверждает, что различия значений множ. числа связывались и с различиями в образовании форм множ. числа имен существительных в русском языке<sup>3</sup>. По указанию К. С. Аксакова, в русском литературном языке середины XIX в. окончания именительного множественного -и, -ы показывали множество предметов, удерживая их в раздельности, не сливая их в одно целое, а другие окончания множественного показывали множество предметов как совокупность, собирая их в одно целое (например: угли — уголья, камни — каменья). В современном русском языке дифференциация разделительных и собирательных значений множ. числа лишь в сравнительно редких случаях выражена морфологически: различием окончаний. Оттенок совокупности замечен в некоторых образованиях на -а, -ья, особенно при наличии параллельных форм с иным окончанием, например: волоса — при волосы; хлеба — при хлебы и т. п.<sup>4</sup> Акад. В. В. Виноградов полагает, что с оттенками собирательности „тесно связано употребление форм множественного числа для выражения различных лексических значений у таких разрядов существительных, которым в других значениях присущи формы обоих чисел“<sup>5</sup>. По мнению В. В. Виноградова, собирательное значение обнаруживается в таких формах слов, как:

- 1) власти, народные массы и т. п.,
- 2) жиры, мозги, кишки (обозначают сплошную собирательную массу какого-нибудь вещества),
- 3) овсы, всходы, озимы (обозначают посевы, злаки, занимающие большую площадь, большое пространство),
- 4) холода, морозы, жары, ветры, дожди (здесь значение интенсивности, длительности или частой повторяемости развилось из значения собирательности),

а также в некоторых формах множ. числа имен существительных в современном русском языке. Считаем необходимым оговорить, что хотя А. А. Шахматов противопоставлял категорию собирательности категории множественности, одновременно он допускал выражение некоторыми формами множ. числа наряду с именами собирательными одинакового грамматического значения, которое он называл значени-

<sup>1</sup> См. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, § 30.

<sup>2</sup> См. там же, § 32.

<sup>3</sup> См. там же, стр. 163.

<sup>4</sup> См. там же, стр. 163.

<sup>5</sup> Там же, стр. 164.

ем **совокупности**<sup>1</sup>. Значение совокупности, усматриваемое А. А. Шахматовым в некоторых формах множ. числа существительных, есть не что иное, как значение собирательности, усматриваемое в этих же формах В. В. Виноградовым, тем более, что, согласно А. А. Шахматову, носителями категории совокупности являются также и имена собирательные в форме ед. числа.

\* \* \*

Проведенное нами исследование в области английского языка, анализ и сопоставление аналогичного материала английского, русского и армянского языков дают нам возможность охарактеризовать значение собирательности как разновидность значения множественности. Значение собирательности есть значение множества, ограниченного в нашем сознании рамками единицы. Категория множественности — многогранная категория. Она связана с реальными жизненными представлениями человека о разнообразии структур конкретных множеств. Представление о множестве отдельных предметов или единиц соответствует в грамматике значению раздельной (простой) множественности. Представление о множестве частей, составляющих нечто единое, соответствует в грамматике оттенкам собирательной множественности, т. е. значению собирательности. Значение собирательности может передаваться: 1) формами множ. числа имен существительных (при наличии соответствующих логических предпосылок); 2) посредством словообразовательных суффиксов (русск. студенчество, сырьё, ельник, молодняк); 3) лексически, через семантику существительного (англ. flock, bunch, cattle, family). Значение собирательности является переходным звеном от простого множества к единице. В современном английском языке в ряде случаев значение совокупности частей, составляющих сложное целое, настолько отчетливо, что слово в форме множ. числа (colours „флаг/знамя“; works „завод“) воспринимается как форма ед. числа, имея формальные показатели имени существительного в ед. числе: 1) глагол — сказуемое согласуется с ним в ед. числе; 2) оно имеет в качестве заместителя местоимение it; 3) употребляется с неопределенным артиклем или местоимением.

В современном русском языке суффикс с собирательным значением -ье в словах **каменьье, уголье** есть преобразованное и переосмысленное окончание множ. числа -ие, встречавшееся в церковно-славянском языке. Явившись как новое собирательное имя, форма множ. числа воспринимается как слово в форме ед. числа и склоняется как имя существительное среднего рода. Современное собирательное имя ед. числа **платье** (ср. англ. clothes) есть переосмысленная форма множ. числа от слова **плать** (платок; лоскут). К. С. Аксаков объяс-

<sup>1</sup> См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, § 506.



нял переход множественности в единичность через значение собирательности стремлением русского человека понять множество как совокупность и множ. число имени обратить в новое имя: „Вообще замечательно это стремление, чисто свойственное русскому языку, стремление к образности, стремление понять множество как совокупность и множ. число имени обратить в новое имя (ед. ч.)...“<sup>1</sup>.

Рассмотрение аналогичного материала армянского языка показало, что такое стремление в меньшей степени свойственно такому далекому от русского языка представителю индоевропейской семьи языков, как армянский язык. В современном армянском литературном языке можно найти немало примеров переосмысления форм множ. числа имен существительных в формы ед. числа при сохранении морфологической структуры слова. В древнеармянском языке форма множ. числа имен существительных образовывалась в основном путем прибавления к форме ед. числа суффикса множ. числа *-ք*: *գետ* „река“ — *գետք* „реки“, *ծով* „море“ — *ծովք* „морья“ и т. п. Множ. число обозначалось и другими суффиксами, как, например:

- ական* — *զաւրական* (воины)
- ան* — *ծիւն* (лошади)
- եան* — *բերդեան* (крепости)
- աւի* — *կանանի* (женщины)
- եար* — *վարժեար* (школы)
- նեար* — *նավնեար* (лодки) и др.

В древнеармянском языке суффиксы *-ական*, *-անի*, *-ան*, *-եան* по большей части имели собирательное значение, в силу чего многие слова с этими суффиксами склонялись также как имена существительные в форме ед. числа: *աւագանի* (знать, знатные люди) — *աւագանի* (род. п. ед. ч.)<sup>2</sup>.

В современном армянском литературном языке показателями множ. числа имен существительных являются суффиксы: *-եր*, *-ներ*, *-ք*, *-իկ*. Из них наиболее распространенными являются суффиксы *-եր*, *-ներ*. Лишь одно слово образует форму множ. числа путем прибавления суффикса *-իկ*: *մարդ* „человек“ — *մարդիկ* „люди“. Очень ограничилась сфера действия суффикса *-ք*. В современном армянском литературном языке только некоторые слова, оканчивающиеся на *-ի* в форме ед. числа, образуют форму множ. числа путем прибавления *-ք*: *գյուղացի* „крестьянин“ — *գյուղացիք* „крестьяне“, *անգլիացի* „англичанин“ — *անգլիացիք* „англичане“. Будучи еще живым, древнеармянский суффикс множ. числа *-ք* перестал восприниматься как таковой в целом ряде слов в современном армянском языке. Многие древнеармянские формы множ. числа с суффиксом *-ք* воспринимаются теперь как слова в форме ед. числа, например: *աշխատանք* „труд“, *սեւեք* „волна“, *աղա-*

<sup>1</sup> К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики, ч. 1, М., 1860, стр. 115.

<sup>2</sup> См. Ա. Աբրահամյան, Դրամարի ձևաբանություն, Ե., 1952, § 52.

չանք „мольба“, բուրբ „урожай“, հալալ „хвала“, խաղալիք „игрушка“, կրք „грудь“, մեղք „долг“, քուք „походка“ и др.

Вышедшая в свет в 1883 г. грамматика А. Айтняна<sup>1</sup> дает картину армянского языка в конце XIX в. В § 43 говорится о том, что имена существительные, оканчивающиеся на -ք, могут склоняться двояко:

1) как в древнеармянском; в таком случае они рассматриваются как имена существительные во множ. числе:

|                 |   |                         |
|-----------------|---|-------------------------|
| գիրք „письмена“ | — | գրոց (род. п. множ. ч.) |
| զենք „оружия“   | — | զրոց ( „ „ „ „ )        |
| ձեռք „руки“     | — | ձեռաց ( „ „ „ „ )       |
| աչք „глаза“     | — | աչաց ( „ „ „ „ )        |
| ոտք „ноги“      | — | ոտից ( „ „ „ „ )        |

2) как имена существительные в форме ед. числа:

|                                                     |   |                       |
|-----------------------------------------------------|---|-----------------------|
| գիրք „книга“ (семантический сдвиг в значении слова) | — | գրքի (род. п. ед. ч.) |
| զենք „оружие“                                       | — | զենքի ( „ „ „ „ )     |
| ձեռք „рука“                                         | — | ձեռքի ( „ „ „ „ )     |
| աչք „глаз“                                          | — | աչքի ( „ „ „ „ )      |
| ոտք „нога“                                          | — | ոտքի ( „ „ „ „ )      |

Вышеприведенное наблюдение А. Айтняна свидетельствует о непостоянстве грамматического значения форм множ. числа на -ք в XIX в.

В процессе развития языка суффикс -ք, потеряв широкое употребление как показатель множ. числа, приобрел новое значение и новые функции. В современном армянском языке -ք служит словообразующим суффиксом, образуя имена существительные от:

- 1) имен прилагательных — գաղտնի „тайный“ — գաղտնիք „тайна“  
հայրենի „родной“ — հայրենիք „родина“  
արժանի „достойный“ — արժանիք „достоинство“  
արքունի „придворный“ — արքունիք „двор государя“  
հում „сырой“ — հումք „сырье“  
խոր „глубокий“ — խորք „глубина“  
լայն „широкий“ — լայնք „ширина“
- 2) имен существительных — տարի „год“ — տարիք „возраст“  
տեղի „место“ — տեղիք „повод“  
հավ „курица“ — հավք „птица (вообще)“  
խաղ „игра“ — խաղք „насмешка“
- 3) глагольных корней — գովել „хвалить“ — գովք „похвала“  
վազել „бежать“ — վազք „бег“

<sup>1</sup> См. Ա. Այտնյան, Քերականութիւն աշխարհարար կամ արդի հայերէն լեզվի, Ղրեննա, 1883.

- 4) разных причастий — *գրված* „написанный“ — *գրվածք* „произведение, сочинение“  
*սնկվի* „съедобный“ — *սնկվիք* „кушанье“.

Какие факторы способствовали переосмыслению суффикса множ. числа *-ք*, его переходу из области формообразования в область словообразования? Этот вопрос в той или иной связи затрагивается в трудах некоторых армянских ученых арменоведов. Непосредственно данного вопроса касается А. А. Мурвалян в своих трудах „Словарный состав армянского языка“ и „Частицы армянского языка и их связь с грузинским и другими кавказскими языками“<sup>1</sup>. Согласно А. А. Мурваляну, переход от функций суффикса множ. числа к функциям словообразовательного суффикса осуществляется через следующие этапы<sup>2</sup>:

1) форма множ. числа обозначает множество отдельных предметов;

2) форма множ. числа обозначает совокупность множества отдельных предметов, т. е. форма множ. числа обозначает нечто единое собранное, представляющее совокупность множества предметов;

3) из представления о собирательности и возникает представление о предмете в ед. числе.

Таким образом, форма множ. числа имени существительного воспринимается как форма ед. числа, а сохранившийся суффикс множ. числа воспринимается как словообразующий суффикс. Рассмотрение материалов ряда словарей армянского языка показало, что в современном армянском литературном языке сохранилось значительное число древнеармянских форм множ. числа, которые стали восприниматься как формы ед. числа. Во многих случаях сохранилась и древнеармянская форма ед. числа этих же слов. При сопоставлении этих форм в современном армянском языке суффикс *-ք* воспринимается как словообразовательный элемент. Приведем некоторые из этих примеров:

Слово в форме ед. числа

древнеарм. форма множ. числа, которая в совр. арм. языке воспринимается как форма ед. числа с новым значением (семантический сдвиг в значении слова).

*գիր* „буква, грамота, письмо, письменность“ *գիրք* „книга“

*տարի* „год“

*տարիք* „возраст“

*քայլ* „шаг“

*քայլք* „походка“

<sup>1</sup> Ա. Մուրվալյան, Հայոց լեզվի բառային կազմը, Ե., 1955, էջ 263. Ա. Մուրվալյան, Հայերենի մասնիկները և նրանց առնչությունները զրադ և կովկասյան մյուս լեզուներին, Հայկական ՍՍՏ Գիտ. Ակադեմիայի լեզվի ինստ. աշխ. ժողովածու, 1949, հ. IV,

<sup>2</sup> Мысль А. Мурваляна мы постарались сделать наглядной, разбив на этапы процесс переосмысления суффикса множ. числа в суффикс словообразовательный.



հալ «курица»

աղբ «родник, источник»

ծալ «сгиб»

թև «рука»

կաթիլ «капля»

հալք «птица» вообще

աղբիք «устье реки»

ծալք «постельный склад»

թևք «рукав»

կաթիլք «капель»

Рассмотрим наиболее интересные из них. В древнеармянском языке форма множ. числа գիրք, обозначая множество отдельных предметов, имела значение соотносительное со значением формы ед. числа գիր. Форма множ. числа գիրք означала «буквы; письма; грамоты; письма». В современном армянском языке значение «буквы, письма» передается современной формой множ. числа от слова գիր — գրեր. Древнеармянская форма множ. числа переосмыслилась благодаря переосмыслению грамматического значения простого множества. Через значение собирательности, совокупности форма множ. числа գիրք приобрела новое лексическое значение «книга». От слова տարի «год» форма множ. числа в современном армянском языке есть տարիներ «годы, года». Древнеармянская форма множ. числа сперва означала также «годы, года». Затем, очевидно, представление о совокупности множества лет привело к тому, что форма множ. числа տարիք стала самостоятельным словом со значением «возраст» (ср. русск. «лета» в том же значении). В древнеармянском языке слово հալ означало: 1) «домашняя птица: курица или петух»; 2) «птица (вообще)». Соответственно форма множ. числа հալք означала: 1) «курицы или петухи, домашние птицы»; 2) «птицы (вообще)». В современном армянском литературном языке, в результате сужения значения слова, հալ имеет только значение «курица» (мн. ч. հալեր «курицы»). Древнеармянская форма множ. числа հալք воспринимается теперь как форма ед. числа в значении «птица (вообще)». Далее, представление о совокупности источников, составляющих устье реки, приводит к приобретению формой множ. числа աղբիք (от աղբ «источник, родник») значения «устье реки». В современном армянском языке есть также примеры, когда древнеармянская форма ед. числа утрачена как самостоятельное слово (у некоторых слов она может встречаться как компонент сложного слова). Древнеармянская форма множ. числа этих же слов через значение совокупности приобрела новое лексическое значение и употребляется в современном армянском литературном языке как самостоятельное слово<sup>1</sup>. К числу таких слов мы относим: մորուք «борода», բերք «урожай», վանք «монастырь». Слово մորուք «борода» есть переосмысленная древнеармянская форма множ. числа от слова մորու «волос, растущий на подбородке». Очевидно, представление о совокупности волосев, растущих на подбородке, привело к употреблению формы множ. числа մորուք в зна-

<sup>1</sup> Древнеармянские формы множ. числа, рассматриваемые теперь как самостоятельные слова, в случае необходимости могут образовать форму множ. числа согласно правилам образования форм множ. числа имен существительных в современном армянском языке.

чении „борода“. В современном армянском языке древнеармянская форма ед. числа *մորու* утрачена. В значении „борода“ встречается также и слово *մորու* — древнеармянская форма винит. падежа от *մորուք*. В современном армянском языке *մորու* и *մորուք* воспринимаются как слова в форме ед. числа. Древнеармянское имя существительное *բեր* в значении „плод“ вышло из употребления, уступив место форме множ. числа *բերք* в значении „урожай“. Современное *ժամբ* „монастырь“ восходит к древнеармянскому *ժան* в значении „обитель, комната, место для пристанища“. Форма ед. числа *ժան* сохранилась в таких сложных словах, как *օթևան*, *իջևան* (место для пристанища). Древнеармянская форма множ. числа *ժանք* в современном армянском языке употребляется в значении „монастырь (обитель)“ через представление о совокупности комнат, где проживают монахи.

О способности древнеармянских форм множ. числа имен существительных на *-ք* выражать собирательность свидетельствуют примеры, приводимые проф. А. С. Гарибяном в его труде „Введение в изучение истории армянского языка“. Согласно А. С. Гарибяну, древнеармянские этнические названия (имена) в форме множ. числа выражали собирательность как, например: *հալք* „армяне“, *յոյնք* „греки“, *ասորիք* „ассирийцы“. В форме множ. числа этническое название становилось также и названием страны: *Հալք* означало также „Армения“, *Յոյնք* „Греция“, *Ասորիք* „Ассирия“<sup>1</sup>, т. е. имело место переосмысление множества в единицу через значение собирательности. В современном армянском языке сохранились некоторые географические названия, которые восходят к древнеармянским формам множ. числа — названиям доармянских племен: *Ծոփք*, *Սասունք*, *Չոտալք*, *Ջափախք* и др. Очевидно, формы множ. числа *Ծոփք*, *Սասունք* и др. обозначали территорию, страну, занимаемую этими племенами. А. С. Гарибян в статье „Частицы множ. числа в армянском языке и их лингвистическая значимость“<sup>2</sup>, рассмотрев частицы множ. числа в армянском языке, приводит примеры переосмысления в словообразующие суффиксы некоторых других суффиксов множ. числа древнеармянского языка. Анализ слов, образуемых посредством этих суффиксов, приводит нас к выводу, что эти суффиксы в той или иной мере сохранили собирательные оттенки множественности, что значение собирательности, которое эти суффиксы выражали в древнеармянском языке, способствовало их переосмыслению в суффиксы словообразования. Так, в современном армянском языке окончание армянских фамилий *-յան* (-ян) восходит к древнеармянскому суффиксу множ. числа имен существительных *-ան* (древнеарм. *թղթ-ան* „бумаги“, *բերդ-ան* „крепости“). Суффикс *-ան* употреблялся также для

<sup>1</sup> Ա. Ղարիբյան, Հայոց լեզվի պատմության ուսումնասիրության ներածություն, Ե., 1937, էջ 591.

<sup>2</sup> См. Ա. Ղարիբյան, Հայերենի հոլանկի նշանակող մասնիկները և նրանց լեզվաբանական արժեքը, ՀՍՍՀ գուգուրայի պատմության ինստիտուտի աշխատություններ, Ե., 1935, հ. 1:



обозначения родового происхождения: *Մամիկոնեան* означало „из рода Мамиконов (*Մամիկոններ*) или принадлежащий к Мамиконам“. Очевидно, в этом случае суффикс *-եան* обозначал собирательность, совокупность, и через это значение в современном армянском языке собственные имена на *-յան* (*եան*) воспринимаются как формы ед. числа.

По предположению А. С. Гарибяна, современный словообразующий суффикс *-իկ*, который в составе производного слова означает род занятия, ремесло, есть древнеармянский суффикс множ. числа *-իկ* (*մարդիկ* „люди“). Словообразующий суффикс *-իկ* оттеняет лексическое значение слова, как бы указывая на постоянный характер занятия. Так, например, *մարդ-իկ* (воин) означает „тот, чье занятие заключается в том, что он всегда в готовности воевать“; *ջր-իկ* (бродяга) — „тот, кто всегда бродит“; *մերթ-իկ* (попрошайка) — „тот, кто всегда просит подаяния“. Древнеармянский суффикс множ. числа *-ան* (*միջան* „лошади“, *իջան* „ослы“) представлен в современном армянском языке словообразующим суффиксом *-ան*, который в составе производного слова обозначает того, „кто делает что-либо часто, много раз“: *սպասան* (врун) „тот, который все время врет“; *կռվան* (драчун или сварливый человек) „тот, кто ссорится все время“ и т. п.

Современный словособразующий суффикс *-ական*, посредством которого образуются имена прилагательные, восходит к древнеармянскому составному суффиксу множ. числа *-ական* (*զավական* „воины“, *գուսանական* „гусаны, народные певцы, сказители“). Согласно А. С. Гарибяну, древнеармянский суффикс множ. числа *-ական* имел собирательное значение. Очевидно, именно через это значение суффикс *-ական* стал обозначать свойство предмета: *գուսանական* означало „народные певцы, гусаны“ — в современном армянском языке *գուսանական* есть относительное прилагательное: *գուսանական երգ* (песня гусана), т. е. песня, свойственная гусанам, характерная для гусанов. Древнеармянский суффикс множ. числа *-ենի* выполняет в современном армянском языке словообразующую функцию, образуя такие имена существительные, как *նշենի* „миндаль (дерево)“, *թթենի* „шелковица (дерево)“, *վարդենի* „розовый куст“ от имен существительных: *նուշ* „миндаль“, *թութ* „шелковица“, *վարդ* „роза“. Очевидно, через значение собирательности, совокупности представление о множестве отдельных предметов (в древнеармянском языке *վարդենի*, *նշենի* означали „розы“, „миндали“) уступило место представлению об одном предмете, который воспринимается как совокупность множества составных частей. „Собирательное, как объемная совокупность, становится представителем общего понятия“<sup>1</sup>.

Таким образом, вышеприведенный фактический материал армян-

<sup>1</sup> И. М. Тронский, К семантике множ. числа в греческом и латинском языках, „Ученые записки“ ЛГУ, 1946, вып. 10.



ского языка убеждает нас в правильности усмотрения собирательного значения в некоторых формах множ. числа имен существительных.

\* \* \*

На основании анализа и сопоставления аналогичного материала русского, армянского и английского языков мы приходим к следующим выводам относительно категории множественности, оттенков ее значения:

I. Категория множественности — многогранная категория. Она связана с реальными жизненными представлениями человека о структуре конкретных множеств. Представление о множестве отдельных предметов или единиц соответствует в грамматике оттенкам раздельной (простой) множественности. Представление о сложности состава предмета, о совокупности частей, составляющих данный предмет, соответствует в грамматике оттенкам собирательной множественности (или просто собирательности).

II. Собирательность есть разновидность множественности — своеобразная множественность, ограниченная рамками единицы.

III. Собирательность могут выражать не только имена собирательные, но и имена существительные в форме множ. числа.

IV. Значение собирательности является переходным звеном от простого множества к единице, подчеркивая тем самым взаимообусловленность этих понятий: „...единица и множественность являются нераздельными, проникающими друг друга понятиями... множественность так же содержится в единице, как и единица в множественности“<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1952, стр. 208.